

НЕАКАДЕМИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА А.В. ЧАЯНОВА

© 2018

DOI: 10.31857/S023620070002350-2

А.М. Никулин

Организатор науки и образования, литератор и искусствовед

Александр Васильевич Чаянов (1888—1937) был не только выдающимся ученым — аграрником-экономистом, социальным мыслителем-энциклопедистом, но и автором оригинальной и законченной педагогической теории, воплотившейся в реальных педагогических опытах, экспериментах. Если аграрно-научное наследие Чаянова, вновь открытое после десятилетий забвения, репрессий, сейчас достаточно хорошо известно в России и за рубежом, то его педагогические труды и идеи еще остаются позабытыми. Например, в только что вышедшем в свет фундаментальном исследовании, посвященном становлению аграрно-экономических наук и образования в России, его автор — И.А. Кузнецов — обрывает свое повествование на самом интересном месте. Обосновав появление школы Чаянова из исторической эволюции российской аграрно-экономической науки, И.А. Кузнецов, по-видимому, оставляет исследование собственно научно-педагогического наследия Чаянова и его коллег для своей последующей монографии [4].

Чаянов стремительно сделал блестящую академическую карьеру. С отличием закончив Петровский сельскохозяйственный институт (нынешнюю сельскохозяйственную академию — “Тимирязевку”), он был отправлен в годичную научную стажировку по сельскохозяйственным университетам и институтам Германии, Франции, Бельгии и Италии [5]. Вернувшись обратно в Петровку, Чаянов к 27 годам становится ее профессором, к тому времени написав два десятка научных работ и сформулировав общие принципы своей теории крестьянского хозяйства, во многом определившей судьбы исканий аграрного развития России и мира в XX веке. Занимаясь полевыми бюджетными обследованиями крестьянских хозяйств в разных регионах России, умудряясь еще и много времени уделять преподаванию не

СУДЬБА

**Никулин
Александр
Михайлович** —
кандидат экономи-
ческих наук, дирек-
тор Центра аграр-
ных исследований
РАНХиГС при Пре-
зиденте РФ. Посто-
янный автор журна-
ла. Электронная
почта:
nikulin@ranepa.ru

СУДЬБА

только в стенах своей родной Петровки [11], но также в народном университете им. Шанявского [9]. Читая специальные лекции по сельскохозяйственной кооперации на различных крестьянских курсах [7], Чаянов проявил себя чрезвычайно талантливым лектором-педагогом.

В революционном 1917 году Чаянов, по своим политическим воззрениям умеренный социалист-народник, является одним из активных участников Всероссийской Лиги аграрных реформ, планировавшей рациональное распределение земли в революционной России, а за две недели до большевистского переворота Чаянов становится даже товарищем (заместителем) министра земледелия во Временном правительстве.

Изначально Чаянов отрицательно отнесся к большевистскому перевороту. Но уже с 1918 года он становится активным участником развития сельскохозяйственной науки и образования в новой революционной России. Чаянов и его коллеги-профессора по так называемой организационно-производственной школе сельского хозяйства (которая также именуется и школой Чаянова, в честь ее яркого лидера) занимают ведущие кафедры сельскохозяйственных аграрно-экономических наук не только в Тимирязевской сельскохозяйственной академии (А.В. Чаянов, А.Н. Челинцев, Н.П. Макаров), но также в университетах Саратова (А.А. Рыбников), Самары (Г.С. Студенский), Воронежа (А.Н. Минин). Ими подготовлены сотни агрономов-экономистов, десятки ученых-аспирантов, плодотворно развивавших советскую аграрную экономику и науку 1920-х годов. В это же время Чаянов становится директором Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики — ведущего научного центра мирового уровня, поддерживавшего широкие научные связи с научными аграрными учреждениями не только Европы и США, но даже Латинской Америки, Южной Африки и Японии [5]. Работы Чаянова переводят и издают в Германии, Франции, США.

В это же время в дополнение и развитие своей теории крестьянского хозяйства Чаянов публикует монографии, в которых обосновываются теории вертикальной сельскохозяйственной кооперации, оптимумов размеров и размещения сельскохозяйственных предприятий, общественной агрономии [13]. И, конечно, Чаянов является одним из ведущих аграрных экспертов в советском правительстве, принимающих непосредственное участие в работе таких влиятельных советских учреждений, как Госплан, Наркомзем, ЦСУ. Кроме того, у Чаянова еще хватало времени писать художественные произведения. Он создал замечательное утопическое сочинение “Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии”, где в форме ироничной фантастической сказки показал, как из Москвы 1984 (!) года видятся разнообразные альтернативы сельско-городского развития XX века. Он написал несколько волшебного-фантастических повестей [14], стилизованных под прозу Э.Т. Гофмана

и В.Ф. Одоевского, которые, между прочим, понравились Михаилу Булгакову, оказав определенное влияние на формирование замысла его романа “Мастер и Маргарита”.

А еще Чаянов был историк и искусствовед [16]. Его перу принадлежат сочинения по истории Москвы и старинной западноевропейской гравюре, также в свое время высоко оцененные профессионалами.

Чаянову в своем научном, педагогическом, художественном творчестве удавалось гениальным образом объединять математический расчет и гуманистическую фантазию в изящные модели познания, удивительно глубоко и продуктивно вбиравшие в себя многообразную окружающую действительность.

С наступлением коллективизации Чаянов и его коллеги были подвергнуты репрессиям как идеологи отсталого и мелкобуржуазного класса крестьянства. В 1930-м году в ходе массовых арестов свыше тысячи человек, представителей сельскохозяйственной интеллигенции — ученых и практиков аграрников, — были арестованы и объявлены членами мифической антисоветской Трудовой крестьянской партии (ТКП), якобы планировавшей свержение советского строя. Чаянов был объявлен главным идейным вдохновителем и организатором ТКП. Его заключили в тюрьму на несколько лет, потом отправили в политическую ссылку в Алма-Ату, там Чаянов был расстрелян в 1937 году.

Чаянов как педагог: между интеллигенцией и народом

В недолгой жизни Чаянова примерно четверть века выпадает на педагогическую деятельность. Начиная с кружка общественной агрономии, который он возглавлял еще будучи студентом, до преподавания статистики в Алма-Атинском сельскохозяйственном институте во время политической ссылки. Невозможно учесть, сколько курсов, лекций, семинаров, бесед провел Чаянов не только в стенах академий и университетов, но и на разнообразных народных собраниях, прежде всего крестьянских.

Как и подобает профессиональному лектору, Чаянов творчески осваивал педагогическое дело. Многие опубликованные

Портрет
А.В. Чаянова
(1888–1937)

СУДЬБА

научные работы отличаются прежде всего педагогической ясностью и иллюстративностью учебного пособия, достаточно упомянуть такие знаменитые труды, как “Краткий курс кооперации”, “Основные идеи и методы работы общественной агрономии”, “Основные идеи и формы сельскохозяйственной кооперации”, успевшие выдержать несколько изданий в 1920-е годы. Но, кроме этого, перу Чаянова принадлежит ряд специальных работ, посвященных исследованию проблем преподавания [8; 11; 15]. Исследование этих работ убеждает нас, что Чаянов был в совершенстве знаком с современной ему теорией и практикой педагогической науки, неоднократно ссылаясь, например, на работы ведущего российского психолога и педагога П.П. Блонского [1], а также имел собственные изыскания в области педагогики.

Хочется выделить два важнейших вопроса, связанных с деятельностью Чаянова как педагога. Во-первых, что представляли собой педагогические принципы и воззрения Чаянова? Во-вторых, как соотносятся данные принципы с общей теорией организационно-производственной школы Чаянова?

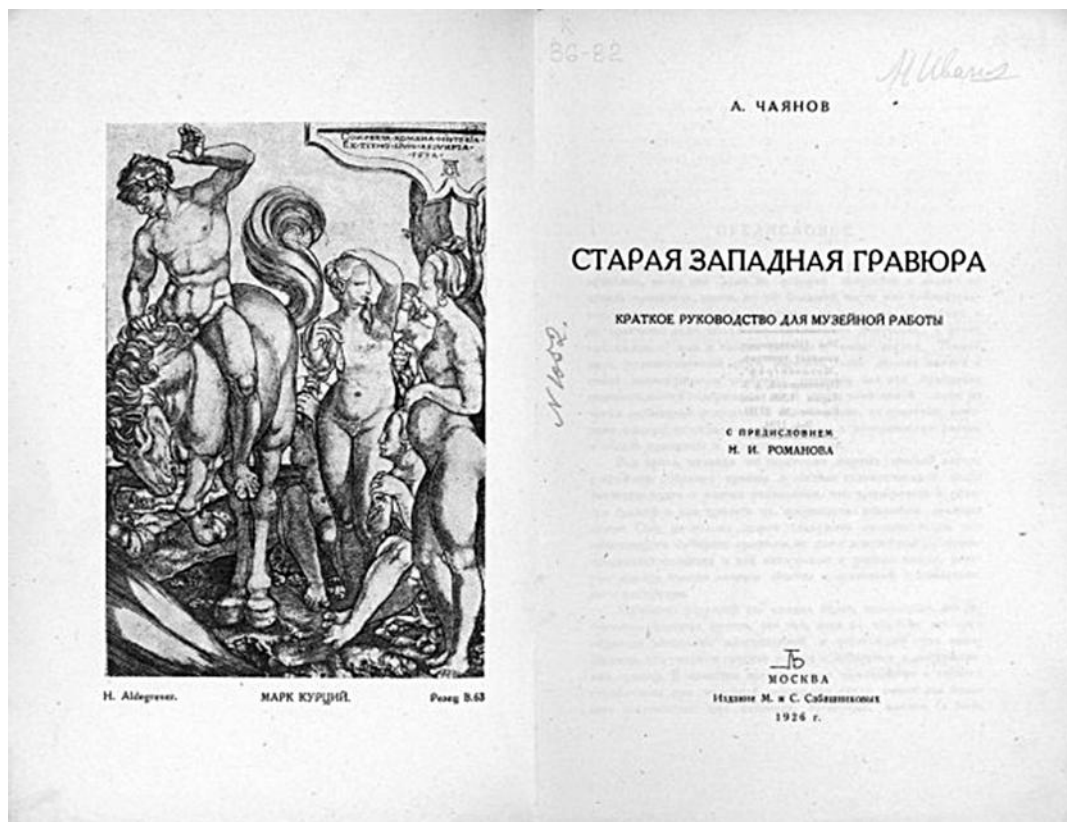
Логический (субъективный) дуализм педагогического творчества Чаянова вполне соотносится с историческим (объективным) дуализмом культуры и образования России начала XX века. Последний был связан с разрывом между культурой образованных классов и народной культурой. Чаянов был педагогом и на том, и на другом берегу, он, как настоящий подвижник, сокращал расстояние и наводил мосты между сознанием и образованием народа и интеллигенции.

Рассмотрим важнейшие вехи, шаги сложного, нелинейного, логически выверенного и одновременно метафорически иллюстративного движения педагогической мысли и практики Чаянова от аудиторий студентов высшей школы к собраниям крестьян сельскохозяйственных курсов.

Храм Прометеева огня

В размышлениях о задачах высшей школы, высшего образования Чаянов постоянно в эмоциональной оценке обращался к мифологическому образу Прометеева огня. “...Питомцы уходят в жизнь... тая в себе тот Прометеев огонь, который неугасимо пылает в храме науки... Какие же искры Прометеева огня дольше всего не угасают и согревают наших питомцев в жизни?.. В первые годы в душе слушателя должен быть зажжен Прометеев огонь жажды знания...” [15, с. 367].

Для Чаянова метафора Прометеева огня означала прежде всего творчество мудрого мастера, выдающегося мыслителя, ученого. Из чего и как возникает костер Прометеева творчества? В ответе на этот вопрос Чаянов прост и реалистичен: во-первых, это самообразование учащегося; во-вторых, это культура, его окружающая:

“1) Всякое высшее образование есть и может быть только самообразованием, в котором наряду с книгами и другими пособиями может существовать и высшая школа как одно из наиболее крупных пособий.

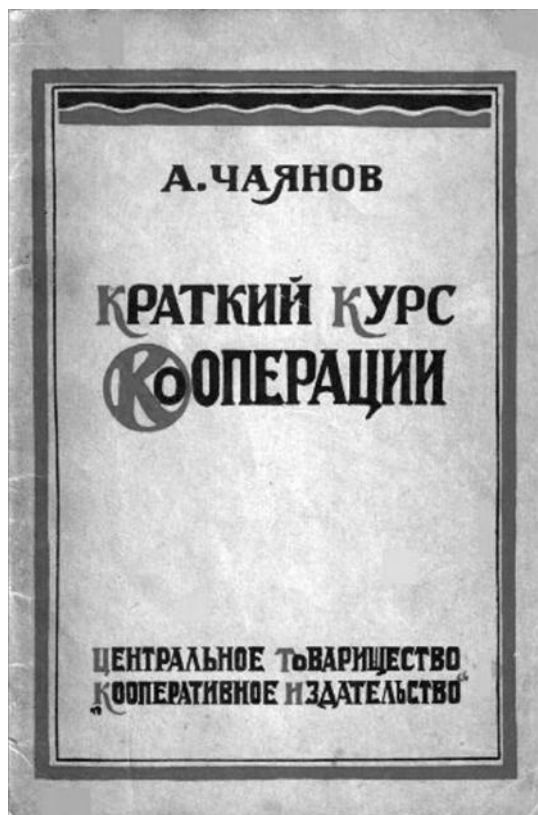
2) Пребывание человека в высшей школе является неповторимым периодом его жизни, во время которого раз навсегда формируются многие черты его характера и миросозерцания.

Главнейшее, что дает высшая школа, — это особая, ей одной присущая культура.

Питомец высшей школы среди обывателей подобен магометанину, побывавшему в Мекке, среди других магометан. Его кругозор широк, он лучше видит, он быстрее и шире мыслит” [там же, с. 368].

Естественной средой для неугасимого огня Прометеевых знаний, по Чаянову, является культура в самом широком смысле этого слова: «... Академическая республика, прежде всего, приводит нашего студента в соприкосновение с огромным числом самых разнообразных людей, соприкасающихся не на основе профессий, а во имя знания... академическая толпа связана тысячами нитей со всеми сторонами национальной жизни... Одно длительное пребывание в этой академической толпе — уже неисчислимый источник культуры... толпа эта своим рус-

Книга А.В. Чаянова
“Старая западная
гравюра. Краткое
руководство для
музейной работы”.
М., 1926

Чаяновский
“Краткий курс
кооперации”,
выдержавший
при жизни автора
4 издания

лом жизни заходит в музеи, театры и аудитории... студент наш получает незабываемое ощущение соприкосновения с первоисточником науки, мысли и творческого искусства.

Я утверждаю, что для будущего участкового агронома как такового внимательное посещение Румянцевского музея даст, пожалуй, больше, чем лекция по земледельческой механике.

Монолог Качалова, вдохновенные слова Чупрова, порывистые фразы Фортунатова и “Тимирязева размеренная речь” — куда более мощные искры Прометеева огня, чем наши толстые академические учебники» [там же, с. 369].

Все приведенные рассуждения и цитаты могут создать впечатление, что отношение Чаянова к высшему образованию было в высшей степени импрессионистским и романтичным. Не только. Мы специально выделили понимание Чаяновым творческого начала как процесса импульсивного, беспредельного, всеобъемлющего. Но,

разумеется, профессор Чаянов отлично представлял и значение форм и методов терпеливой, педантичной, обычной заботы ученика и преподавателя. В этой области на основании собственного педагогического опыта он обосновал рациональную и эффективную систему образования, которую сам успешно применял и других ей учил.

Храм науки как школа вертикально интегрированных дисциплин

По Чаянову, как систематическое пособие высшая школа дает: во-первых, ряд понятий, правильно анализируемых; во-вторых, круг фактов о той или иной системе классификации; в-третьих, и это главное, — умение ставить вопросы и разрешать их. И на основании всего этого происходит формирование методов изучения и исследования. Высшая школа достигает поставленных целей через организацию следующих элементов системы обучения:

- 1) лекция, то есть повествование ученого о предметах, им изучаемых;
- 2) беседы, то есть разговоры ученого со студентами по поводу изучаемых вопросов;

Путеводитель по сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева в Петровско-Разумовском, изданный А.В. Чаяновым в 1925 году

Учебное пособие А.В. Чаянова "Организация северного крестьянского хозяйства". Ярославль. 1918

- 3) протосеминары, то есть разговоры студентов между собою под руководством ученого по поводу изучаемых вопросов;
- 4) чтение и разбор авторов, то есть ознакомление с приемами мышления выдающихся мыслителей;
- 5) самостоятельное чтение книг интересующими, то есть приучение к активному восприятию чужих мыслей;
- 6) составление компиляций, то есть обучение логически связывать различные системы сведений и мыслей, получаемых из разных источников;
- 7) практические занятия, то есть ознакомление с методами аналитической работы путем продельвания небольших исследований;
- 8) самостоятельные исследовательские работы, то есть выполнение научных исследований;
- 9) семинары, то есть защита собственных работ перед критикой товарищей и руководящего ученого;
- 10) экскурсии, то есть ознакомление в натуре с изучаемыми предметами в их естественном состоянии;

11) проверочные беседы, то есть установление степени и формы усвоенного студентом.

Выделив достаточное число элементов процесса обучения, Чаянов особо подчеркивал, что ни один из элементов не является абсолютно предпочтительным, ни один из них не может собой заменить другого. Здесь рассуждения Чаянова носят универсальный характер, и замечательное достижение организационно-производственной школы — теория вертикальной интеграции производства в сфере экономики — находит себе достойную аналогию и в педагогической сфере. Суть вертикального интегрирования хозяйственного производства, как известно, заключается в отрицании возможности существования заранее и навечно определенной наиболее эффективной формы или системы форм хозяйствования и, наоборот, в утверждении идеи гибкого, изменчивого, но гармоничного объединения в кооперативных формах хозяйственных образований разных размеров для различных отраслей сельского хозяйства. Однако отрицая абсолютизацию тех или иных методов и элементов преподавания, Чаянов заключает: "...Каждый из них имеет перед собою свои, ему только присущие педагогические задачи, и проблема организации высшей школы состоит не в выборе какого-либо из них, а в гармоничном соединении всех их между собою" [там же, с. 370]. В реальной действительности, предлагал Чаянов, надо соединять в ту или иную систему указанные элементы преподавания, руководствуясь следующими двумя соображениями. Во-первых, что данные методы дают занимающемуся, во-вторых, каковы их значение и осуществимость с точки зрения преподавания.

Оптимизация "храмовых" служб

Чаянов подчеркивал, что как раз значение и осуществимость поставленной педагогической задачи являются главными для организатора преподавания и, к сожалению, это часто забывается и игнорируется за любованием гладкими схемами задуманного педагогического процесса, в конечном счете, так и неосуществимого. Здесь опять напрашиваются аналогии с чаяновским отношением к экономике. К любому социально-экономическому проекту он прежде всего прикладывал критическую мерку реальной осуществимости.

Так, считая, что в науке самой совершенной и эффективной формой обучения является "ученичество у мастера, т.е. сотрудничество ученика в собственных работах выдающегося мыслителя и ученого, работа с ним изо дня в день в одной лаборатории, в одном кабинете над разрешением общих проблем" [там же, с. 370]. Чаянов констатировал, что в реальной жизни этот метод "применяется только в исключительных случаях, так как он *требует исключительной интенсивности* (выделено авт. — А.Н.) в затрате ученых сил на одну учащуюся единицу и может

применяться только в отношении ученика, одаренного искрой Прометеева огня, даром научного творчества, коим обладает из ста человек только один” [там же, с. 371].

В реальности “при бедности нашей учеными силами” Чаянов предлагает исходить из расчета “на чрезвычайную экономию педагогических сил” [там же]. Интересно, что в данном понятии “чрезвычайной экономии” мы опять можем легко провести аналогию с общей экономической теорией организационно-производственной школы. Вспомним классические чаяновские оптимумы: максимальная эффективность хозяйствования крестьянской семьи определяется оптимальным сочетанием труда и потребления трудопотребительского баланса; наилучшая эффективность государственной политики достигается на основе оптимального сочетания между экономической эффективностью и социальной справедливостью. А в области преподавания? — И здесь свой оптимум: “...организуя преподавание, мы должны стремиться, чтобы каждая затрачиваемая ученическая сила получала наибольшее использование и давала наибольший социальный эффект” [там же, с. 372]. Что это значит? В реальной исторической ситуации начала XX века, с одной стороны, не так много педагогов, из коих совсем немногие являются выдающимися мастерами своего дела, хранителями Прометеева огня. С другой стороны, в действительности весьма изрядно количество учеников с различным уровнем образования, культуры, способностей. Соотношение между количеством учителей и учеников даже в Петровской сельскохозяйственной академии составляет примерно один к двумстам (1:200). Именно такую цифру приводит сам Чаянов. В этих условиях “мы совершенно сознательно предлагаем признать, что использование выдающихся ученых для массовой работы интенсивными методами преподавания — утопия...” [там же]. То есть все первоклассные ученые просто физически не в состоянии уделить всем учащимся индивидуальное педагогическое внимание.

Иерархии и дисциплины образования

Обратимся к универсальным социальным положениям организационно-производственной школы. Их универсальность заключалась прежде всего в примате конкретности ситуации для принятия решения. В большой крестьянской семье, где у взрослых родителей самые старшие дети еще отроки, а остальные вообще малыши, в чем главный резерв существования семейства? — В способности включения подростков в помощь родителям в крестьянском труде и в воспитании младших. Ведь отцу с матерью всего уже не потянуть и за всем не поспеть, уж слишком разрослось хозяйство и прибавилось детей; малыши еще слабосильные и несмышленые, но отрочество и является в такой крестьянской семье источником существенной помощи для

СУДЬБА

старших и младших, для всей семьи. В возрастном и интеллектуальном организме высшей школы Чаянов также обнаруживает источник рациональной оптимизации процесса передачи и приращения звания, — это организация широкой ассистентуры, или системы тьюторства, то есть студенты-старшекурсники, аспиранты, молодые преподаватели через беседы, семинары, кружки оперативно и достаточно широко вовлекают учеников высшей школы в поток научной деятельности. При этом Чаянов всячески выделял определенную роль высшей школы в воспитании души и интеллекта именно студентов младших курсов, ведь “подавляющая масса наших первокурсников не умеет ни логически мыслить, ни следить за чужими мыслями, ни читать книги, ни выражать свои мысли” [там же, с. 373]. Как прорастить семена творчества и мастерства в душах этих людей? Для успешного формирования личности студента Чаянов полагал необходимым на начальных курсах обучения достижение нескольких основных целей.

Для начала надо просто дать учащимся твердые знания и умения, принципы профессионального отношения к делу. Чаянов отмечал, что эта основа основ культуры традиционно в нашей стране является вопиющим недостатком, и здесь Чаянов щепетилен вплоть до самокритики: “...Приблизительное знание и умение всегда было одним из наших национальных пороков. Сужу по себе и по работе своих ближайших товарищей, как ослабляла нашу работу эта приблизительность” [там же, с. 374]. Вот здесь-то тьюторы и ассистенты обязаны передать начинающим собственные профессиональные навыки, как то: научить студентов читать и понимать читаемое, “путем организации совместного чтения, а затем совместного обсуждения индивидуально прочитанного и разбора конспектов”, — далее, “должны быть организованы занятия для формирования профессиональной научной методики... от сгибания стеклянных трубок до составления таблиц” [там же], при этом лишь многократное проделывание разных работ принесет стабильный, положительный результат. Чаянов с иронией, но серьезно предупреждал российского учащегося о важности преодоления нашей национальной слабости “и так сойдет”:

“Часто российские студенты, покопавшись немного в лаборатории или над бухгалтерскими книгами, считают свои звания оконченными, так как они, мол, поняли демонстрируемые методы.”

Нет, уважаемые товарищи, здесь не понимать надо, а руку набить, приобрести навыки.

Если бы сапожный подмастерье, приколотив наискось каблук, отложил бы работу и сказал, что он понял, как каблуки приколачивают, то, несомненно, что обучающий его мастер здорово треснул бы его по затылку.

А ведь профессиональное образование ученого не хуже профессионального образования сапожника; по крайней мере,

не должно быть хуже. В нем также должно быть мастерство, нечто от искусства” [там же, с. 375].

Особый род научного профессионализма — умение “излагать, обсуждать, полемизировать и аргументировать”. Для достижения этой цели Чаянов предлагал широкое проведение протосеминаров под руководством тьюторов и ассистентов, где основная работа всех учащихся и учителей должна заключаться в организации обыкновенного спора, диалога по элементарным, а следовательно, основополагающим вопросам науки.

Демократия храма науки

Но не только профессионализмом благороден настоящий интеллигент, но также и нравственным научным кругозором. И вот здесь на формирование юного питомца науки должны оказать свое великое воздействие жрецы Прометеева огня — выдающиеся ученые. Вводные курсы лекций первоклассных ученых, являющихся в то же время первоклассными ораторами, “должны раскрыть перед первокурсниками грандиозную картину человеческого знания, познакомить с жизнью науки, тяжким мучительным процессом ее созидания, с праздниками творческого вдохновения, с этикой науки” [там же, с. 377].

Все эти первые, подготовительные ступени высшей школы должны вести к главному — миру свободного творческого общения жильцов высшей школы. Речь здесь идет о способности, возможности личного, частного общения с творцами науки, ибо “профессор отнюдь не должен возноситься на недоступный Олимп кафедры” [там же, с. 378]. Здесь для Чаянова образцом созидания отношений между учителем и учеником был Алексей Федорович Фортунатов¹, который в своей научно-педагогической деятельности успешно возвел в основополагающий принцип способность в свободном интеллектуальном общении достигнуть новых горизонтов науки. Этот принцип чрезвычайно важен для неформального круга известных ученых: “...Придавая огромное значение всяким ученым съездам и совещаниям, — писал Чаянов, — Алексей Федорович Фортунатов любил указывать: из всего того, что на этих съездах происходит, самое малое значение имеют те решения и резолюции, ради которых указанные съезды собираются. Сравнительно большее значение имеют доклады, еще большее — прения по докладам, но самое ценное, что эти съезды дают, заключается в личных встречах, разговорах и знакомствах участников съезда” [там же, с. 378]. То же верно и для общения Учителя с учеником, Чаянов с благодарностью к своему учителю вспоминает значение фортунатовского мира общения: “Петровцы знают, чем были для них фортунатовские пятницы и воскресенья, и недаром Алексей Федорович вагоны петровско-разумовского паровичка причисляет к разряду своих аудиторий.

А. Никулин
Неакадемическая
педагогика
А.В. Чаянова

¹ Алексей Фёдорович Фортунатов (1856–1925) — русский агроном и статистик.

Студенты только тогда могут вполне почувствовать, что они составляют высшую школу, когда они смогут почувствовать, что они хотя бы отчасти живут со своими учителями вместе” [там же, с. 379].

Этот момент высшей школы, безусловно, является самым дорогим и плодотворным для всех ее участников.

Утопия храма науки

В этой связи Чаянов и в шутку, и всерьез мечтал о реализации идеи закрытых школ, монастырей — замкнутых общин мастеров науки и учеников. В его утопической крестьянской России несколько десятков школ-монастырей высшей школы вносят существенный вклад в научное и культурное развитие страны, преемственность ее интеллекта и нравственности. Так, подмосковное Архангельское «принадлежало “Братству святого Флора и Лавра”, своеобразному светскому монастырю, братья коего вербовались среди талантливых юношей и девушек, выдвинувшихся в искусствах и науках.

В анфиладе комнат старого дворца в липовых аллеях парка, освещенных былыми посещениями Пушкина и блистательной, галантной жизнью Бориса Николаевича Юсупова... — шумела юная толпа посетителей Прометеева огня творчества, делившая труды с радостями жизни.

Братство владело двумя десятками огромных и чудесных имений, разбросанных по России и Азии, снабженных библиотеками, лабораториями, картинными галереями, и, насколько можно было понять, являлось одной из наиболее мощных творческих сил страны» [13, с. 204—205].

Теперь мы знаем, что мечты Чаянова нашли определенное воплощение в науке и культуре XX века. И в наше время академические и университетские городки во многих странах мира стремятся стать лабораториями — хранителями и рассадниками интеллектуального созидания. Не случайно уже Герман Гессе посвятил идее школы-монастыря человеческого духа свой волшебный роман “Игра в бисер”.

Но Чаянов никогда не был только чистым эстетом академической школы, он полагал, что в реальности “дух, психология лабораторной корпорации — заключительное звено высшего образования — не многим может быть дано” [15, с. 377], и это, в конечном счете, не главное, — ведь немногие могут быть учеными! Главное же заключается в том, что все ученики высшей школы должны стать гражданами своей страны, то есть постичь основы мировой культуры, овладеть профессиональными навыками, воспитать в себе нравственный закон. В реальной жизни России питомцы высшей школы, в массе своей прибывшие из провинции, после пяти лет учебы уходят в жизнь, часто снова в провинциальную глушь, тая в себе тот Прометеев огонь, который неугасимо пылает в хра-

ме науки, — огонь культуры и мастерства, но как осветить и обогреть им было миллионы крестьянских семей родины?

Этой великой задаче Чаянов, конечно, отдал времени и сил несравненно больше, чем всем своим литературно-публицистическим этюдам на школьно-монастырские темы.

А. Никулин
Неакадемическая
педагогика
А.В. Чаянова

Лекторы-агрономы как миссионеры народного просвещения

Главной задачей народного просвещения начала XX века в России Чаянов полагал пробуждение в крестьянстве через тысячи бесед, лекций, сотни крестьянских курсов, народные дома, библиотеки, собрания кооперативов, деревенский театр, остальные элементы культуры — пробуждение социальной энергии, то есть творческого труда крестьянства.

А главным оружием агронома-просветителя в пробуждении крестьянской творческой энергии является слово, живая речь, беседа...

Именно поэтому Чаянов специально останавливался на вопросах педагогических методов лектора в народной аудитории: “Нам могут возразить, что работа лектора относится к области искусства и никакая наука не может сделать из человека хорошего лектора.

Мы согласны с этим, но все же решимся утверждать, что если наука не может сделать из человека лектора, то она может помочь ему сделаться лектором.

Если у него имеются данные стать педагогом, то познание организованного опыта человечества в этой области, несомненно, значительно облегчит его работу”.

В этой любопытной цитате заключается важная характеристика соотношения науки и искусства в чаяновском мировоззрении. Он часто подчеркивал примат чутья, импровизации, инстинкта художника в труде крестьянина и ученого, но ведь важен и обратный процесс — расчет и систематизация приемов в искусстве мастера, а расчет и систематизация — дело науки.

Чаянов отмечал необходимость охвата четырех основных абстрактных элементов в выступлении лектора перед народной аудиторией.

1. Расширить умственный горизонт слушателей и ввести в него новые представления.
2. Создать в уме слушателей ряд новых понятий и организовать весь накопленный ими опыт.
3. Поставить перед слушателем ряд вопросов,
4. Дать эмоциональный толчок и тем пробудить их самостоятельность.

Но все это абстрактные элементы абстрактной лекции. В конкретной ситуации наш лектор-агроном и перед ним взрослые, полуграмотные, а то и совсем необразованные лю-

ди — крестьяне. Весьма специфическая аудитория. “Психологический облик сорокалетнего крестьянина Тульской или Ярославской губернии, как объекта педагогического воздействия, значительно отличается от семилетнего американского школяра, и, несомненно, что педагогические проблемы, удачно примененные к последнему, не гарантируют нам успеха в применении к первому” [там же, с. 96]. Поэтому на специфике “педагогического материала” Чаянов останавливался особо.

Понимая крестьянское мировоззрение

Тип крестьянского мышления носит сугубо эмпирический характер — “закат красный, значит, завтра будет ветер”, “пришел Юрьев день, значит, надо выгонять скот”. В сознании крестьянина два эмпирических представления связаны в постоянную зависимость, часто логически абсолютно необъяснимую, а исторически уходящую в непознаваемые времена, — “У нас считают, что пахать на Святой грешно”, — вот так. Мировоззрение многовековой крестьянской жизни — система традиционных житейских навыков — разьединенных утверждений, представляет собой негибкую механику с точки зрения логического рассудка. А как быть с рядом понятий и представлений, — задавал вопрос Чаянов, “резко противоречащих современной науке и этике. К ним, например, относится известное представление о колеснице Ильи Пророка, порождающей громы небесные” [там же, с. 98].

Чаянов рекомендовал относиться осторожно, с максимально возможным тактом к системе мышления великовозрастных слушателей агрономической школы. Во-первых, опровергая один нелепый аргумент, агроном-преподаватель рискует получить связку еще более запутанных народных утверждений, для ответа на которые уже от самого лектора потребуются обширные точные познания, которых у него может и не быть. А во-вторых, признавался простодушный романтик Чаянов, «для нас лично еще не ясен ответ на прямолинейно поставленный вопрос: “или рядовая сеялка, или колесница Ильи Пророка”, грохочущая по грозовым тучам?» [там же, с. 99]. Конечно, данное смущение ученого не следует понимать как затруднение перед суеверием. Тут другое. Здесь опять возникает чаяновское стремление к органическому, негрубому шагу эволюции: “Задачей русского возрождения является передача крестьянству современного научного мировоззрения без ломки его векового эпоса (выделено авт. — А.Н.). В практическом мире колесница Ильи Пророка должна уступать место электрическому разряду; но, покинув практическую жизнь, она должна превратиться в легенду, занимающую почетное место в крестьянском быту” [там же, с. 99—100].

Постигая крестьянскую аудиторию

А. Никулин
Неакадемическая
педагогика
А.В. Чаянова

Так все же, как конкретно воздействовать лектору на мировоззрение аудитории? Чаянов рекомендует проникновение в крестьянское сознание по нескольким последовательным направлениям.

В начале следует определить в аудитории уже имеющиеся элементы знаний, на которых возможно строить дальнейшее изложение материала.

Крестьянин похож на студента с точностью до наоборот. В студенческой аудитории полно общих, отвлеченных идей, но отсутствует практический опыт. В крестьянстве — обилие представлений практической жизни, но беда с отвлеченными понятиями. Лекция в виде ряда симпозиумов, опирающихся на общие положения, естественна для студентов, но бесполезна для крестьян. Наоборот, разбор конкретных примеров с последующим индуктивным подходом к доказываемому общему положению — верный путь к пониманию в крестьянской среде.

Далее, необходимо обратить внимание на состав аудитории. Как правило, она состоит из старых крестьян, “заматерелых в быту трехполя”, учеников земской школы и бывалых в городах промышленников: “людей грамотных и безграмотных, читающих ежедневно газеты и никогда не читающих ни одной печатной строчки и проч.” [там же, с. 101]. В такой непростой ситуации Чаянов рекомендует постараться выделить некоторый тип “среднего слушателя” и в расчете прежде всего на него вести объяснение в аудитории. Еще лучше, если возможно, рассортировать слушателей по степени их подготовленности и заниматься отдельно с каждой группой.

Отрицавший универсальные рецепты в сфере экономики, и в педагогике Чаянов придерживается аналогичного отрицания. Но различные элементы рецептов он знает в совершенстве и предлагает составить из них собственную комбинацию каждому лектору-агроному.

Неформальное движение по формальным ступеням

Так, первый, наиболее испытанный и надежный метод в общении с крестьянской аудиторией, метод “формальных ступеней преподавания”, обоснованный еще классиком педагогической науки немецким ученым И.Ф. Гербартом (1776–1841) [2]. Схема лекции по Гербарту распадается на пять ступеней.

1) подготовка; 2) изложение; 3) сравнение; 4) обобщение; 5) приложение.

Чаянов подчеркивал как преимущество использования данного метода среди крестьян — его индуктивный характер.

От приготовления аудитории на известных примерах — к изложению и сравнению, с введением новых понятий, далее —

СУДЬБА

к обобщению — оптимуму лекции, с последующими необходимыми разъяснениями в приложении.

Второй, противоположный системе Гербарта метод, — чисто дедуктивный. Если, отмечал Чаянов, мы читаем курс кооперации по Гербарту, то в начале лекции мы излагаем всем известные нужды крестьянского хозяйства, затем сравниваем различные способы их удовлетворения, обобщаем данное удовлетворение в объяснении принципа работы кооперативного предприятия с необходимыми примечаниями. По дедуктивному методу в начале лекции мы выдвигаем некоторое отвлеченное положение, например “солидарность”, “сотрудничество” — важнейшая основа человеческого общества, а далее показываем, что эти отвлеченные идеи и в крестьянском хозяйстве имеют место, особо наглядно проявляясь в работе кооперативных форм сельских предприятий. Все же, полагал Чаянов, индуктивный метод предпочтительней дедуктивного. Крестьяне — не студенты: абстрактные основания лекций для них непривычны.

Следующий метод — способ исторического изложения предметов, то есть способ, при котором содержание изучаемого предмета излагается как описание истории предмета. Чаянов отмечал, что этот метод имеет большое познавательное значение, с интересом усваивается слушателями, и курс кооперации можно читать, начиная с рочдельских пионеров времен Роберта Оуэна, с последующим разбором тем исторического развития международного кооперативного движения. Но к недостаткам исторического метода относится его малое внимание к конкретным нуждам в кооперации именно данной деревни, где читается лекция, а кроме того, исторический метод сильно отличается от логического изложения, а основы логики прививать крестьянам надо.

Четвертый метод — метод отрицания. (В не есть А, но также и не С и т.д.) Применительно к курсу кооперации его использование сводится к следующему объяснению. “Отличие кооператива от принудительных союзов государства и местного самоуправления. Отличие кооператива, как союза, в котором каждый член сохраняет хозяйственную индивидуальность, от коммунистической общины. Отличие кооператива от других, свободно организуемых хозяйственных союзов, как то: товарищества на паях, акционерной компании и т.д.” [11, с. 108].

Здесь нужные понятия образуются от отбора и расчленения других понятий, это весьма наглядно, но при невнятности метода, рассеянности аудитории могут появиться противоположные итоги, «из положения “В не есть А” частица “не” выпадает и положение переходит в память как “В есть А”» [там же, с. 109].

Наконец, последний, особый метод, самый простой и надежный — догматический метод. Метод механического внедрения понятий и идей в головы слушателей. “Прямое утвержде-

ние, высказанное с достаточной убежденностью и многократно повторенное, часто достигает большего результата, чем сложная система доводов и доказательств” [там, с. 110]. При этом Чаянов ссылается на поговорку самого Наполеона: повторение есть наилучшее доказательство. Чаянов констатировал, что народная аудитория легко поддается на подобные методы обучения. И ведь именно на этом методе основана сила демагогических трюков и кратких политических лозунгов. Чаянов, между прочим, призывал не стесняться почаще использовать и это столь мощное педагогическое оружие, внедряя азы кооперации подобным пропагандистским способом.

Какой же из пяти разнообразных методов наилучший? Так же, как в экономике, сочетание разнообразных институциональных форм дает, как правило, лучший результат, так и в педагогике умение объединить все вышеуказанные методы в одну оптимальную систему приведет к максимальному педагогическому эффекту.

Концентрический метод и гармоническая мера

Так же как есть вертикальная интеграция трудовых усилий в сельском хозяйстве, так есть концентрический метод преподавания в педагогике, синтезирующий отдельные методы.

И сам Чаянов разработал и применял именно этот метод еще в 1913 году на старообрядческих сельскохозяйственных курсах при Рогожском кладбище. Вот как составляется его курс кооперации из трех концентров (конструкт, предложенный А.В. Чаяновым. — *Авт.*) различных методов (кооперация методов!).

I концентр. Общее изложение основ кооперации по индуктивному методу.

II концентр. Более подробное изложение основных принципов кооперативного движения по историческому методу.

III концентр. Детальное описание организационных форм различных видов кооперации по дедуктивному методу изложения.

“Наиболее важным моментом в построении курса по концентрическому методу является необходимость давать в каждом центре иное освещение и иную группировку материалу...” [там же, с. 111]. Так и в педагогике экономист Чаянов стремился достичь высшего искусства системного подхода — выявлять многомерности изучаемой системы через кооперацию самих научных методов.

Но одними методами логики изложения предмета искусство лектора не ограничивается. Чаянов разрабатывал также систему инсценировки лекции, в которой должны сочетаться цитаты, аналогии, картины, таблицы, плакаты, листовки, афиши...

И главное, в самой организации лекции должно быть еще одно непереносимое сочетание (ума и сердца): “Не только к уму своих слушателей, но и к сердцу их должен взывать лектор на-

СУДЬБА

родной аудитории... Призывая своими словами к действию, доказывая его необходимость и полезность, он должен довести до своей аудитории ту мощную социальную энергию, которая при-суща кооперативному движению, должен забросить в душу своих слушателей искры великого пламени творческой, социальной активности, которым богато возрождение русской деревни” [там же, с. 112].

Но и здесь Чаянов предупреждал о соразмерности: “Всегда следует иметь чувство меры и избегать излишнего пафоса и крикливости” [там же, с. 113]. Кроме того, нужна мера и в тщательности подготовки к занятию: “... Лекторам, владеющим речью, мы бы рекомендовали не доводить подготовку до конца, до составления текста лекции, а заканчивать ее в общих чертах и предоставить остальное творчеству в момент произнесения самой лекции. Получаемые при этом шероховатости с лихвою покрываются свежестью и яркостью непосредственного творчества” [там же].

Романтизм и реализм педагога Чаянова

Насколько наследие педагога Чаянова является востребованным спустя почти сто лет в наше время всеобщей массовой грамотности, находящейся под контролем прагматически ориентированного, шумно разрекламированного бизнес-креативно-бюрократично ориентированного университетского образования по образцу глобально интеллектуального мегамаркета?! Не осталась ли классическая и сентиментальная образовательно-исследовательская модель храма науки Чаянова в милом и наивном прошлом земско-советских мечтаний о гуманистически бескорыстном совершенствовании лучших сторон всех страт человеческой природы?

Многое и стремительно меняется в науке, образовании, жизни нашего времени. Тем не менее совершенствование естественной человеческой любознательности, передача знания от более опытного к менее опытному исследователю, формирование широты кругозора, дисциплинирование исследовательского мышления, наконец, искусство интеллектуального открытия, — остаются извечными доминантами человеческого познания, теми самыми искрами Прометеева огня, сохранению и приумножению которых столько сил, таланта, изобретательности отдал Александр Васильевич Чаянов.

Особенно было бы полезным современное переоткрытие научно-педагогических работ А.В. Чаянова и их новая жизнь именно в аграрной сфере. Не секрет, современные сельскохозяйственные вузы России давно утратили свое интеллектуальное мировое лидерство, характерное для них в начале XX века, и теперь нуждаются в значительной реорганизации [3], учитывающей и собственное славное, но позабытое педагогическое наследие. Кроме того, конечно, ушли в прошлое чаяновские

институты земской и советской агрономии, консультировавшие крестьян, но ведь в значительной степени на смену им в современной России создана сеть консультационных сельскохозяйственных центров, работающих с семейными фермерскими и личными подсобными хозяйствами [6].

Этим новым образовательным институтам, также сейчас испытывающим многочисленные трудности своего становления и развития, безусловно, будет полезен громадный аналитический опыт педагогическо-исследовательских ошибок, открытий, достижений организационно-производственной школы Чаянова.

Литература

1. *Блонский П. П.* Психология и педагогика. Избранные труды. М.: Юрайт, 2016.
2. *Гербарт И. Ф.* Психология / Предисловие В. Куренного. М.: Издательский дом “Территория будущего”, 2007.
3. *Козлов В. В.* Роль и место университетов в социально-экономическом развитии России // Проблемы современной экономики. 2015. № 2 (54). С. 337–342.
4. *Кузнецов И. А.* Очерки истории сельскохозяйственной экономики в России: XIX — начало XX века. М.: Издательский дом “Дело” РАНХиГС, 2018.
5. *Никулин А. М.* Международная регионалистика А. В. Чаянова // Экономическая политика. 2017. Т. 12. . С. 150–177.
6. Отчет об оказании консультационной помощи сельскохозяйственным товаропроизводителям и сельскому населению в Российской Федерации в 2014 году / Министерство сельского хозяйства РФ, “Федеральный центр сельскохозяйственного консультирования и переподготовки кадров агропромышленного комплекса”. М., 2014.
7. *Чаянов А. В.* Крестьянские кооперативно-счетоводные курсы // Кооперативная жизнь. 1914. № 23. С. 409–414.
8. *Чаянов А. В.* Методы изложения предметов. М., 1916.
9. *Чаянов А. В.* Требования жизни и заветы шанявцев: (О судьбе ун-та им. Шанявского) // Вестн. шанявцев. 1918. № 5. С. 5.
10. *Чаянов А. В.* Высший семинарий сельскохозяйственной экономики и политики при Петровской сельскохозяйственной Академии // Вестн. сел. хоз-ва. 1919. № 27–30. С. 19–22.
11. *Чаянов А. В.* Основные идеи и методы работы общественной агрономии / Чаянов А. В. Избранные произведения. М., 1989. С. 57–181.
12. *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989.
13. *Чаянов А. В.* Венецианское зеркало. Повести. М., 1989.
14. *Чаянов А. В.* Избранные труды. М., 1991. С. 367–370.
15. *Чаянов А. В.* Методы высшего образования / Чаянов А. В. Избранные труды. М., 1991. С. 354–379.
16. *Чаянов А. В.* Избранное искусствоведческое наследие. М.: Издательский дом “ТОНЧУ”, 2018.

А. Никулин
Неакадемическая
педагогика
А. В. Чаянова